

Воскресенье, 20-го апрѣля (3-го мая) 1908 г. № 436

С Л О В О

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Гастроли московскаго художественнаго театра.

„Вишневый садъ“ А. П. Чехова.

Легкій чистый воздухъ холмистыхъ равнинъ средней Россіи, вишневый садъ въ блѣлорозовомъ цвѣту, мягкіе, сердечные люди, неисправимые въ своихъ нелѣпыхъ недостаткахъ и, несмотря на какіе угодно недостатки, милые, чуткіе, много понимающіе — все это вновь встаетъ передъ нами въ изображеніи чудеснаго художника и прекрасныхъ артистовъ, влюбленныхъ въ его пьесу. Послѣ пережитаго за послѣднее время, особенно чувствуется благодатная художественная свѣжесть и неумирающая внутренняя значительность этой вещи Чехова. Реализмъ ея истонченъ до хрупкости, до полной прозрачности, — и сквозь рисунокъ фабулы и характеровъ, съ ихъ трагикомическими бытовыми изломами и искривленіями, видишь безбрежную стихію жизни въ ея цѣломъ, видишь какую-то неуловимую разсудкомъ поэтическую правду, одновременно скорбную и утѣшительную. Падаютъ деревья стараго милаго вишневаго сада подъ топоромъ времени, плачутъ человѣческія сердца, расставаясь съ утраченнымъ, и въ душѣ зрителя щемитъ боль всѣхъ когда-либо испытанныхъ и возможныхъ разставаній. Но сквозь эту боль уже свѣтится что-то впереди: „Прощай, старая жизнь! Здравствуй, новая жизнь!“ — звучатъ въ пьесѣ молодые голоса, и грезится въ этой зачинающейся жизни небывало прекрасное, — бессмертно-весенній вишневый садъ и радость новыхъ и новыхъ пробужденій и прозрѣній.

„Вишневый садъ“ въ постановкѣ москвичей — это то настоящее искусство, которому вѣришь безъ разсужденій и отдаешься безъ колебаній. Въ пьесахъ Чехова московскій Художественный театръ впервые достигъ того, что не было достигнуто ни однимъ театромъ до него: полной гармонической слитности, осуществленія хороваго искусства на драматической сценѣ. Быть можетъ, именно мягкимъ русскимъ талантамъ всего естественнѣе было возлюбить и впервые осуществить это хоровое искусство, требующее отреченія отъ всякаго артистическаго эгоизма, отъ разбѣга и индивидуальнаго творчества во имя творчества коллективнаго. Это внутреннее и внѣшнее соподчиненіе артистовъ было доведено Художественнымъ театромъ до такого совершенства, что стала возможной передача на сценѣ самыхъ тонкихъ настроеній, самыхъ неуловимыхъ взаимоотношеній людей, связывающихъ ихъ между собой вопреки всѣмъ различіямъ ихъ положеній и характеровъ, всѣмъ разногласіямъ ихъ умовъ и склонностей.

Эта живая, дышащая органическою теплою связъ между всѣми дѣйствующими лицами нигдѣ такъ не чувствуется, какъ въ пьесахъ Чехова и особенно въ „Вишневомъ садѣ“. Чарующая нѣжность струится изъ этой вещи въ безподобномъ исполненіи москвичей. Вжившіеся въ свои роли

артисты играют съ такою легкостью и непосредственностью, что почти невозможно ихъ критиковать: быть можетъ, „Вишневый садъ“ можно играть и иначе, но то, что мы видимъ здѣсь, такъ прекрасно и художественно закончено. Въ одномъ только мѣстѣ—во второмъ актѣ, когда среди сгущающихся сумерокъ трогательно-комическій Леонидъ Гаевъ, раскинувшись на ковшъ сѣна, декламируетъ про себя что-то мечтательное о великой природѣ, хотѣлось остановить реалистическую жестикляцию между группою молодежи и проходящимъ мимо Епиходовымъ: это моментъ чуткой тишины, среди которой раздастся сейчасъ непонятный, пугающій всѣхъ звукъ чего-то сорвавшагося и со звономъ падающаго. Шутливая реалистическая деталь нарушаетъ цѣльность тихаго и почти торжественнаго сумеречнаго настроенія, напрягающаго нервы.

Но это была единственная царапина на общемъ впечатлѣнн, исключительномъ по своей полнотѣ. Распредѣленіе ролей въ пьесѣ достигаетъ въ настоящее время безупречнаго совершенства. Въмѣсто незначительной артистки, исполнявшей прежде роль Ани Раневской, играетъ на этотъ разъ Лилина. Это сама юность на сценѣ,—легкость, простота, поэтическая прелесть чистой и серьезной молоденькой дѣвушки. Богомольная, практическая Варя стала совсѣмъ живою въ исполненіи Савицкой. Остальные исполнители прежніе и по прежнему великолѣпны. Станиславскій—Гаевъ. Книпперъ—Раневская, неподражаемый Петя Трофимовъ—Качаловъ, Епиходовъ—скорбно-комическая фигура—въ изображеніи Москвина, Фирсъ—Артемъ и Муратова—непомятая родства одинокая иностранка со своими неизмѣнными фокусами. Хотѣлось бы написать о каждомъ изъ этихъ исполнителей въ отдѣльности—такъ богата художественнымъ содержаніемъ роль и игра каждаго изъ нихъ. Живые люди на сценѣ, такіе знакомые, кажется—съ дѣтства знакомые.

Л. Гуревичъ.